

Ворпын Светла

№2

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

Вокруг Света

№ 2

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

1927 г.
ФЕВРАЛЬ
28

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: „Хакануне“ (О китайских событиях). — М. Зув. „Кино-сеанс в Луань-Ху“. — К. К. „Заклинатели крокодилов“. — А. Хонан-Дойль. „Жилища под вуалью“. — ** Изменяется ли лицо земли? — С. П. Райт. „В бегах“. — А. Курпичников. „Великие перелеты 1926 г.“ — А. Черновский. „Министры-отравители.“ — Мак. „Город жирных ветров“ и др.

ЖИЛИЦА ПОД ВУАЛЬЮ

Рассказ *А. Кохак-Дойля.*

Если иметь в виду, что м-р Шерлок Холмс двадцать три года занимался практикой, а я в течение семнадцати лет сотрудничал с ним и делал заметки о его деятельности, то станет ясно, что в моем распоряжении находится уйма материала. Меня всегда смущал не самый материал, а выборка из него. В моем распоряжении целая масса годичных записных книжек. Эти книжки — превосходное подспорье для изучающих не только преступления, но и скандалы в английском обществе конца царствования королевы Виктории.

Правда, авторам всех душераздирающих писем, умоляющих сохранить в неприкосновенности честь их семейств или репутацию потерпевших лиц, бояться нечего. Молчаливость и глубокое чувство профессионального долга, которые всегда отличали моего друга, по-прежнему остаются в силе при использовании этих мемуаров для печати. Я должен, однако, убедительно просить кое-кого не повторять недавних попыток добраться до этих бумаг и уничтожить их. Источник этих насильственных действий известен, и, если они повторяются, я, с дозволения м-ра Холмса, заявляю, что вся история, касающаяся одного политического деятеля, маяка и дрессированного баклана будет предана гласности. По крайней мере, один из читателей поймет, что это означает.

Конечно, не каждый из этих случаев доставил Холмсу возможность проявить тот замечательный дар интуиции и наблюдательности, который я пытаюсь запечатлеть в этих мемуарах. Порой ему нужны были все усилия, чтобы пожать плоды своей работы, порой же они сами легко давались ему в руки. Но и в легкие случаи его практики часто вплетались самые ужасные человеческие трагедии. Одну из них мне теперь хочется передать. Правда, я слегка изменил имена и место происшествия, но в остальном все факты оставлены без изменения.

Однажды, утром — это было в начале 1896 года — я получил торопливую записку Холмса с просьбой о моем содействии. По обыкновению, я нашел его сидящим в густо прокуренной атмосфере. Напротив него в кресле помещалась пожилая, материнского вида женщина, типа жизнерадостной квартирной хозяйки.

— Это миссис Мэррилоу из Южного Брикстона, — сказал мой друг, сопровождая свои слова взмахом руки. — М-с Мэррилоу не имеет ничего против табачного дыма, Ватсон, если вы пожелаете предаться вашей неопрятной привычке. М-с Мэррилоу может рассказать нам интересную историю, что поведет, быть может, к дальнейшему развитию событий, при которых ваше присутствие может оказаться полезным.

— Все, что я смогу сделать...

— Вы, конечно, поймете м-сс Мэррилоу, что если я явлюсь к м-сс Рондер, то предпочту иметь какого-

нибудь свидетеля. Разъясните ей это до нашего прибытия.

— Господь с вами, м-р Холмс! — сказала наша посетительница. — Ей так не терпится повидаться с вами, что вы можете привести за собой хоть весь приход.

— В таком случае, мы приедем разом после полудня. Давайте-ка, прежде чем отправляться в путь, проверим еще раз правильность наших данных. Это поможет д-ру Ватсону понять все положение дел. Вы говорили, что м-сс Рондер в течение семи лет состоит вашей жилицей и что вы только однажды видели ее лицо.

— И, клянусь богом, я бы хотела, чтобы мне никогда не пришлось его увидеть! — сказала м-сс Мэррилоу.

— Я понимаю вас так, что оно оказалось ужасно изуродованным?

— Ох, м-р Холмс, вы бы вообще с трудом приняли это за лицо. Вот какой оно имело вид! Наш молочник как-то раз мельком увидал ее, когда она украдкой выглянула из верхнего окна, и уронил свою жестянку, так что молоко разлилось по всему палисаднику. А когда я увидела ее — я случайно застала ее врасплох — она быстро закрылась, а потом сказала: «Ну, вот, м-сс Мэррилоу, наконец-то вы узнали, почему я никогда не поднимаю моей вуали».

— Известно ли вам что-нибудь о ее прошлом?

— Ровно ничего.

— Дала она вам какие-нибудь сведения о себе, когда приехала к вам?

— Нет, сэр, но зато она дала звонкую монету, целую кучу денег. Положила прямо на стол квартирную плату за четверть года вперед и к тому же ни капельки не торговалась. В наши времена бедная женщина, вроде меня, не может пренебречь такой удачей.

— Указала ли она причину, почему она выбрала именно ваш дом?

— Мой дом стоит за дорогой и более уединен, чем остальные. К тому же у меня нет своей семьи и других жильцов. Мне помнится, что она пыталась поселиться в других домах, но нашла, что мой подходит ей больше всего. Она гонится за уединением и готова хорошо платить за него.

— Вы говорите, что она ни разу за все время не показывала своего лица, кроме одного неожиданного случая. Да, это замечательная история, чрезвычайно любопытная, и я несколько не удивлен тому, что вы хотите ее раскопать.

— Я вовсе не хочу этого, м-р Холмс. Я вполне довольна, пока получаю свою квартирную плату. Вы не могли бы иметь более спокойной жилицы или такой, которая доставляла бы меньше хлопот, чем она.

— Так что же придало новый оборот всему делу?

— Ее здоровье, м-р Холмс. Она, повидимому, чахнет. И на уме у нее что-то ужасное. «Убийца!» — кри-

чит она, — «убийца!». А однажды, я слышала, как она кричала: «Жестокая тварь! Чудожище!» Дело было ночью и ее крик так пронзительно прозвенел на весь дом, что у меня мороз пошел по коже. Вот я и пришла к ней на утро. «М-сс Рондер, — говорю я, — если что-нибудь смущает вашу душу, так на то есть пастор и полиция. Либо тут, либо там вы можете найти себе помощь».

— Ради бога, только не полиция! — отвечает она. — Пастор же не может изменить того, что уже случилось. Но все же, — говорит она, — это облегчило бы мою душу, если бы кто-нибудь узнал правду, прежде чем я умру.

— Ну, что же, — отвечаю я, — если вы не хотите иметь дело с властями, так вот вам тот Холмс, о котором мы читали. (Прошу прощения м-р Холмс!). Она так и привскочила. «Вот именно этот человек мне и нужен», — говорит она. — «Удивительно, как это я не подумала об этом раньше. Привезите его сюда, м-сс Мэррилоу, и если он не захочет приехать, скажите ему, что я жена Рондера, содержателя бродячего цирка. Скажите это и назовите ему имя — Аббас Парва. Вот оно, как она сама его записала «Аббас-Парва». Это приведет его сюда, если он именно такой человек, каким я его себе представляю.

— Да это приведет меня к ней, — заметил Холмс. — Очень хорошо, м-сс Мэррилоу. Мне хотелось бы немного побеседовать с д-ром Ватсоном. Около трех часов вы можете ожидать нас в вашем доме в Брикстоне.

Едва лишь наша посетительница проковыляла в выходную дверь — никакой другой глагол не может передать походку м-сс Мэррилоу, — как Шерлок Холмс с свирепой энергией набросился на груды книг по общим вопросам в углу комнаты.

Несколько минут слышалось только беспрестанное перелистывание страниц, а затем с удовлетворенным ворчанием он уткнулся в то, что искал. Он был так возбужден, что оставался сидеть на полу среди груды книг, скрестив свои ноги, словно какой-то Будда; одна из книг была раскрыта у него на коленях.

— Это происшествие и тогда еще меня занимало, Ватсон. Доказательство — вот эти заметки на полях. «Я признаюсь, что ничего не могу понять. Тем не менее убежден, что судья ошибся». У вас не осталось никакого воспоминания о трагедии Аббас-Парвы?

— Никакого, Холмс.

— Однако, вы были тогда со мною. Но, конечно, мое собственное впечатление было очень поверхностным, так как не было никакой направляющей нити и ни одна из сторон не обратилась ко мне за услугами. Мсжет быть, вам хочется перечитать газеты?

— Не сообщите ли вы мне все самое существенное?

— Это очень легко сделать. Оно, очевидно, всплывет в вашей памяти во время моего рассказа.

— Рондер, конечно, было имя самого предпринимателя?

— Он был соперником Уомбелля и Сэнджера, одним из самых крупных содержателей бродячих цирков своего времени. Некоторые свидетели показывали, однако, что он стал пить, и сам он и его бродячий цирк пришли в состояние упадка ко времени этой большой трагедии. Повозки бродячего цирка остановились на ночь в Аббас-Парве — маленькой деревушке в Беркшайре, когда случилось это ужасное происшествие. Они были на пути в Уимблдон, путешествуя по проселочной дороге и просто раскинулись лагерем, не соби-

раясь давать представления, так как деревушка настолько мала, что открывать цирк совершенно не стоило.

Среди своих номеров они имели превосходного северо-африканского льва. Его звали «Король Сахары». У обоих, т.-е. у Рондера и его жены, был обычай давать представления внутри клетки со львом. Вот здесь вы видите фотографию такого представления. Судя по ней, вы можете заключить, что Рондер был огромно свинообразной личностью, а жена женщиной очень привлекательной. На допросе было засвидетельствовано, что у льва замечались некоторые угрожающие признаки, но как это всегда бывает в таких случаях, привычка заставила пренебречь опасностью и на этот факт не было обращено никакого внимания.

Обычно либо Рондер, либо его жена ночью кормили льва. Иногда отправлялся один из них

Оставался сидеть на

иногда оба вместе, но они никогда не позволяли делать это кому-нибудь другому, так как верили, что пока они будут при-

носить ему пищу, он будет считать их своими благодетелями и никогда их не растерзает.

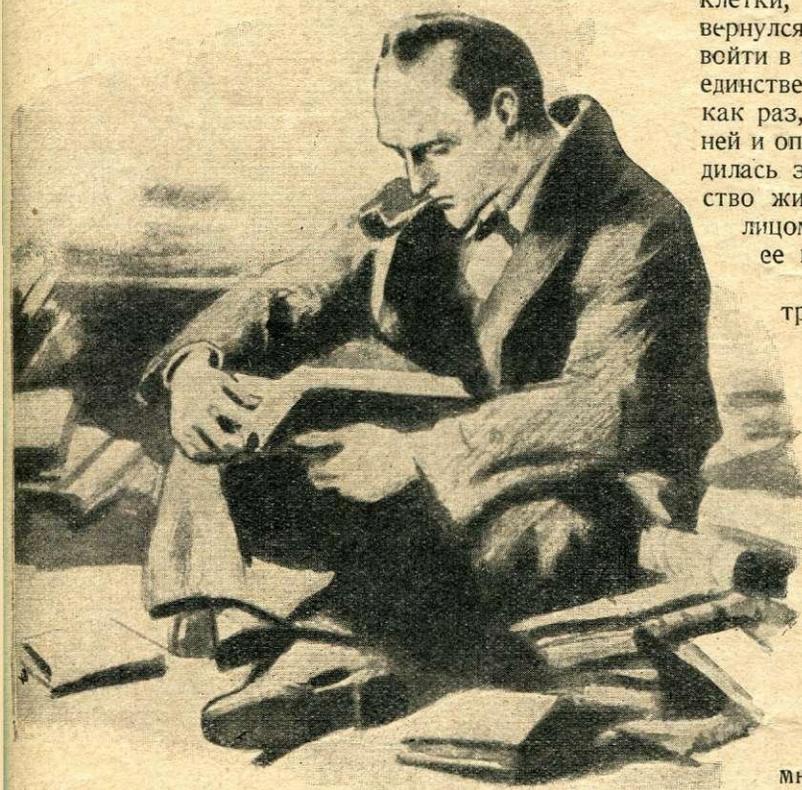
В ту самую ночь, семь лет тому назад, они отправились вдвоем, после чего случилось ужасное происшествие, подробности которого так и остались невыясненными.

Повидимому, весь лагерь около полуночи был разбужен рычанием зверя и воплями женщины. Различные грумы и служащие выскочили из своих палаток, держа в руках фонари, свет которых упал на ужасное зрелище. В десяти ярдах от клетки, которая была открыта, лежал Рондер, с проломленным затылком и глубокими следами когтей, шедшими поперек черепа. Рядом с дверью клетки лежала на спине м-сс Рондер с припавшим к ней и ворчащим зверем. Он так отчаянно растерзал ей лицо, что нельзя было и предположить, что она еще выживет. Несколько служащих цирка во главе с силачем Леонардо и клоуном Григгсом отогнали зверя шестью, после чего он прыгнул обратно в клетку и тотчас был заперт в ней. Осталось тайной, каким образом он оказался на свободе.

Судя по общим догадкам, супруги намеревались войти в клетку, но когда дверь была открыта, зверь выпрыгнул наружу и набросился на них. В свидетельских показаниях не было больше ничего интересного, за исключением того, что женщина в иступленной агонии непрерывно кричала «Трус!», «Трус!», пока ее несли обратно в фургон, в котором они жили. Прошло шесть месяцев, прежде чем она оказалась в состоянии дать свои показания; но следствие было проведено должным образом и оно пришлось к заключению, что смерть последовала от несчастного случая.

— Какое же другое объяснение можно было предположить?

— Вы, конечно, вправе говорить так. И все же было несколько пунктов, которые ввели в затруднение молодого Эдмундса из Беркшайрского суда. Проворный

полу среди груды книг.

парень! Он позже был послан в Аллагабад. Вот откуда я и был осведомлен об этом деле, потому что он неожиданно заглянул ко мне и, размышляя о нем, вынул одну или две трубки.

— Худой желтоволосый человек?

— Совершенно верно. Я был уверен, что вы сейчас продолжите нить моего рассказа.

— Но что же затрудняло его?

— Мы оба были в затруднении. Дьявольски трудно было восстановить все происшествие. Взгляните на него с точки зрения льва. Он освобожден. Что же он делает? Он кидается пятью-шестью прыжками вперед, что приводит его к Рондеру. Рондер поворачивается, чтобы бежать, — следы когтей были у него на затылке, — но лев сбивает его с ног. Затем, вместо того, чтобы броситься дальше и убежать, он возвращается к женщине, которая находилась рядом с клеткой, свалывает ее и кромсает ей лицо. А с другой стороны, эти ее крики, как будто указывают на то, что ее муж в чем-то сплеховал. Но что же мог этот бедняга пред-

принять, чтобы помочь ей? Вы чувствуете всю трудность этих вопросов?

— Вполне.

— Затем было еще нечто другое. Оно приходит мне на ум сейчас, когда я снова передумываю все. Некоторые свидетели показали, что одновременно с рычанием льва и воплями женщины, какой-то мужчина в испуге поднял крик.

— Это был, вне сомнения, Рондер.

— Однако, раз у него был проломлен череп, вряд ли он мог голосить. А ведь, по крайней мере, двое свидетелей говорили о криках мужчины, смешивающихся с криками женщины.

— Мне думается, что к этому времени весь лагерь был полон криками. Что же касается остальных затруднительных пунктов, я думаю, что могу найти их объяснение.

— Я был бы рад проверить его.

— Они оба находились вместе в десяти ярдах от клетки, когда лев вырвался на свободу. Мужчина повернулся и был сбит с ног. У женщины возникла мысль войти в клетку и запереть за собой дверь. Это было ее единственным убежищем. Она направилась к клетке и как раз, когда она достигла ее, животное прыгнуло за ней и опрокинуло ее навзничь. На мужа же она рассердилась за то, что он своим бегством подогрел бешенство животного. Если бы они смело встретили льва, лицом к лицу, то могли бы запугать его. Отсюда ее вопли «Трус!»

— Ослепительно, Ватсон! Всего лишь одна трещинка на вашем бриллианте.

— Какая же трещина, Холмс?

— Как могло животное оказаться на свободе, если они оба находились в десяти ярдах от клетки?

— Возможно, что это какой-нибудь их враг освободил льва!

— А почему же лев так свирепо атаковал их, если он привык играть с ними всевозможные трюки внутри клетки?

— Возможно, что тот же враг сделал что-нибудь, чтобы взбесить его.

Холмс задумался и несколько моментов оставался в молчании.

— За вашу теорию, Ватсон, говорит следующее: Рондер был человеком, имевшим много врагов. По словам Эдмундса, он был ужасен в пьяном виде. Страшный буян, он осыпал

всех ругательствами и наносил побои каждому, кто попадался на его пути. Я предполагаю, что эти крики о чудовище, о которых рассказывала наша посетительница, были ночными воспоминаниями о дорогом усопшем. Как бы там ни было, наши умозаключения ничтожны, пока в нашем распоряжении не будет всех фактов. В буфете есть холодная курапатка и бутылка Монтраше. Давайте-ка, подкрепите наши силы, прежде чем мы призовем их себе на помощь.

Когда наш возница высадил нас перед домом м-сс Мэррилоу, мы застали эту толстую особу загораживающей во всю ширь отпертую дверь своего скромного и уединенного жилища. Ясно было, что больше всего она заботилась о том, чтобы не потерять своей ценной жилицы. Прежде чем провести нас наверх, она умоляла нас не говорить и не предпринимать ничего, что могло бы привести к столь нежелательному для нее концу. Успокоив ее, мы последовали за ней по крутой, застланной жалким ковром лестнице, и вошли в комнату таинственной жилицы.

Это было узкое и, как следовало ожидать, заплесневелое, плохо проветриваемое помещение, так как его обитательница редко покидала его.

Эта женщина содержала в неволе зверей, и вот, покакому-то странному возмездию судьбы, оказалась сама запертым в клетку зверем. Она сидела теперь в сломанном кресле в темном углу комнаты. Долгие годы бездействия огрубили линии ее фигуры, которая когда-то, очевидно, была прекрасной. Густая темная вуаль покрывала ее лицо, но она была срезана по линии верхней губы и оставляла открытым превосходной формы рот и изящно округленный подбородок. Я легко мог себе представить, что она действительно была когда-то очень красивой женщиной. Ее голос также был гармоничен и приятен.

— Мое имя не чуждо вам, м-р Холмс, — сказала она. — Я решила, что оно приведет вас сюда.

— Да, это так, сударыня, хотя я и не знаю, каким образом вы осведомлены о том, что я был заинтересован в вашем деле.

— Я узнала это, когда после моего выздоровления меня допрашивал агент сыскной полиции графства, м-р Эдмундс. Боюсь, что я солгала ему. Может быть, было бы благоразумнее, если бы я сказала ему всю правду.

— Всегда благоразумнее говорить правду. Но почему вы ему солгали?

— Потому что от этого зависела судьба еще одного человека. Я знаю, что он был очень недостойной личностью, но все же мне не хотелось бы, чтобы его гибель лежала на моей совести. Мы были так близки, так близки!

— Но разве это препятствие устранено?

— Да, сэр. Лицо, которое я имею в виду, теперь умерло.

— Почему же, в таком случае, вы не расскажете полиции все, что вам известно?

— Надо считаться с другим лицом. Это другое лицо — я сама. Я не могла бы вынести скандала и огласки, связанной с расследованием полиции. Мне недолго осталось жить и я хочу умереть непо тревоженной. Но все же мне хотелось найти рассудительного и справедливого человека, которому я могла бы рассказать мою ужасную историю, чтобы все было бы понятно после моей смерти.

— Вы мне льстите, сударыня. Но в то же время я являюсь ответственным лицом. Я не обещаю вам, что после вашего рассказа я сам не сочту своим долгом передать это дело в руки полиции.

— Не думаю этого, м-р Холмс. Я слишком хорошо знаю ваш характер и ваши методы работы, потому что следила за вашей деятельностью в течение нескольких лет. Чтение — единственное удовольствие, оставленное мне судьбой, и я не пропускаю почти что ничего из того, что происходит на свете. Но, во всяком случае, я пойду на этот риск, какое бы вы ни сделали употребление из моей трагедии. Рассказ о ней облегчит мою душу.

— Мой друг и я, мы будем рады выслушать его.

Женщина встала и вынула из ящика фотографию какого-то мужчины. Он несомненно был профессиональным акробатом, человеком с великолепными физическими данными, и был снят со скрещенными на выпуклой груди мускулистыми руками и пробивающейся из-под густых усов улыбкой, — самодовольной улыбкой мужчины, одержавшего много побед.

— Это Леонардо, — сказала она.

— Силач Леонардо, который давал свидетельские показания?

— Он самый. А это... Это — мой муж.

Это было отвратительное лицо — свинья или вернее дикий кабан в образе человека — лицо, ужасающее своей животностью. Можно было живо представить в своем воображении, как этот подлый рот в бешенстве скрежетал и покрывался пеной, как эти маленькие, порочные глаза кололи злобным взглядом все окружающее. Злодей, буян, подлая тварь, — все это было написано на этом приплюснутом лице.

— Эти две фотографии помогут вам понять всю историю. Я была бедной девочкой из цирка, выросшей на опилках арены и прыгавшей в обруч еще до того, как мне исполнилось десять лет. Когда я стала женщиной, этот человек полюбил меня, если вожделие вообще можно назвать любовью. Словом, в один несчастный день я стала его женой и с этого момента попала в ад, где он был мучившим меня дьяволом. Не было ни одного человека в нашем цирке, который не знал бы как он со мной обращался. Он покидал меня ради других женщин. Он принуждал меня к покорности и хлестал меня своим наездничьим кнутом, когда я жаловалась. Они все чувствовали ко мне сострадание и ненавидели мужа, но что они могли поделать? Они все до одного боялись его, ведь он в пьяном виде всегда был ужасен. Он постоянно подвергался взысканиям за буйство и за жестокое обращение с зверями, но у него была уйма денег и штрафы были ему нипочем. Все лучшие работники покинули нас и цирк стал приходить в упадок. Только Леонардо и я поддерживали его вместе с клоуном, маленьким Джимми Григгсом. Бедняга, ему не над чем было особенно потешаться, но он делал все, что мог, чтобы наш цирк окончательно не развалился.

Потом Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видите, каким он был по внешности. Теперь я знаю, какой жалкий дух был заключен в этом прекрасном теле, но тогда, по сравнению с моим мужем, он казался мне похожим на архангела Гавриила. Он жалел меня и помогал мне, пока, наконец, наша дружба не перешла в любовь, глубокую, глубокую, страстную любовь, такую любовь, о которой я прежде мечтала, но какую я никогда не надеялась испытать. Мой муж подозревал нас, но я думаю, что он был настолько же трус, как и буян, а Леонардо был единственным человеком, которого он боялся. Он мстил по своему — терзая меня больше, чем когда бы то ни было. Однажды ночью мои крики привели Леонардо к двери нашего фургона. В эту ночь мы были близки к трагедии. Мой муж не должен был дольше оставаться в живых. Мы задумали умертвить его.

У Леонардо была умная, изобретательная голова. Это он все задумал. Я говорю это не затем, чтобы порицать его; ведь я сама была готова шаг за шагом пройти с ним весь этот путь, но у меня никогда не хватило бы изобретательности для такого замысла. Мы сделали дубину — Леонардо сделал ее — и укрепил в ее свинцовый конец пять длинных стальных гвоздей, остриями наружу, на таком же точно расстоянии друг от друга, как когти на лапе льва. Эта дубина предназначалась для того, чтобы нанести смертельный удар моему мужу, но вместе с тем создать впечатление того, что это совершил лев, которого случайно выпустили на свободу.

Была черная, как смола, ночь, когда я и мой муж, по нашему обычаю, спустились вниз, чтобы накормить зверя. Мы несли с собой в цинковом ведре сырое мясо. Леонардо поджидал нас за углом большого фургона, мимо которого мы должны были пройти, прежде чем добраться до клетки. Он промедлил и мы прошли мимо

него прежде, чем он смог нанести удар, но он неслышно последовал за нами и я услышала треск, когда дубина раздробила череп моего мужа. При этом звуке мое сердце забилось от радости. Я прыгнула вперед и отодвинула засов, запиравший дверцу львиной клетки.

Вот тут-то и произошло нечто ужасное. Вы наверняка слышали о том, как быстро эти создания чувствуют запах человеческой крови. Какой-то странный инстинкт мгновенно внушил этому созданию, что было убито человеческое существо. В тот момент, когда я проскользнула мимо брусьев дверцы, оно выскочило наружу и в мгновение ока очутилась на мне. Леонардо мог бы спасти меня. Если бы он кинулся вперед и ударил зверя своей дубиной, он мог бы спугнуть его. Но у него не оказалось мужества. Я слышала, как он завыл от страха, а потом увидел, как побегал. В то же мгновение зубы льва впелись мне в лицо. Его горячее, нечистое дыхание уже отравило меня и от боли я едва сохраняла сознание. Я попыталась ладонями моих рук оттолкнуть от себя большие, дымящиеся, запятнанные кровью лапы и кричала, призывая на помощь. Я сознавала, что лагерь пришел в волнение, потом я смутно припоминаю еще, как несколько мужчин, Леонардо, Григгс и другие вытаскивали меня из-под лап зверя. Это было моим последним воспоминанием, мистер Холмс, в течении многих томительных месяцев. Когда я пришла в себя и увидела

Леонардо мог бы спасти меня.

себя в зеркале, то прокляла этого льва. О, как я прокляла его, не за то, что он унес мою красоту, но за то, что он не унес моей жизни. У меня было только одно желание, мистер Холмс, и достаточно денег, чтобы осуществить его. Мне хотелось так укрыться, чтобы никто не видел моего бедного лица и поселиться там, где меня не сможет отыскать никто из тех, кого я прежде знала. Несчастный, израненный зверь, который заполз в свое логовище, чтобы умереть — вот мой конец.

Мы молча сидели некоторое время после того, как несчастная женщина рассказала свою историю. Потом Холмс вытянул вперед свою длинную руку и похлопал м-сс Рондер по руке с таким видимым сочувствием,

какое ему редко случалось обнаруживать. «Бедняжка, — сказал он, — бедняжка! Но что же произошло потом с этим человеком, с Леонардо?»

— Я никогда не видела его больше и ничего о нем не слыхала. Может быть, я была не права, питая к нему такую горечь. Он мог бы скорей полюбить одного из уродцев, которых мы возили по всей стране, чем то, что осталось от меня после нападения льва. Но любовь женщины не так-то легко проходит. Он оставил меня в лапах зверя, он покинул меня в горькой нужде и все же я не смогла заставить себя послать его на виселицу. Что касается меня самой — мне было безразлично, что со мной станется. Что ужаснее моей теперешней жизни? Но я стояла между Леонардо и его судьбой.

— Он умер?

— Он утонул в прошлом месяце, около Маргета. Я прочла о его смерти в газете.

— А что он сделал с этой дубиной с пятью когтями, которая является самой замечательной и хитроумной частью всей нашей истории?

— Не могу вам этого сказать, мистер Холмс. Около лагеря есть меловая ломка с глубоким заросшим прудом у ее основания. Может быть, в глубине этого пруда...

— Возможно, возможно... Сейчас это не имеет значения. Дело закончено.

— Да, сказала женщина! — дело закончено.

Мы уже поднялись, собираясь уходить, но что-то в голосе женщины привлекло внимание Холмса. Он быстро обернулся к ней.

— Ваша жизнь не принадлежит вам, — сказал он. — Удержите свои руки!

— Какая польза в ней кому бы то ни было?

— Как знать? Пример терпеливого страдания...

Ответ женщины был угрюм. Она подняла свою вуаль и шагнул вперед к свету, сказала:

— Я удивлюсь, если вы в состоянии вынести это!

Это было жуткое зрелище. Никакими словами нельзя описать остоу лица, когда само лицо уничтожено. Живые и прекрасные карие глаза, грустно глядевшие из этой отвратительной руины, придавали ей еще более страшный вид.

Холмс поднял руку в знак сострадания и протеста. Мы вместе молча вышли из комнаты.